

Галина
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
Графиня Счастливая

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрация *И. Круловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Графиня Счастливая / Галина Гончарова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-248072-0

У графа Александра Суворова — война честная, с пушками и ружьями. У графини Варвары Суворовой — война тайная, с заговорщиками и шпионами. Не по вкусу Европе сильная Россия, да и на родине есть те, кто предпочтет Екатерине Великой Павла Импульсивного. Да только кто ж их спрашивать-то будет? Заговорщиков — вычислить, врага — разбить, дела — наладить, науку — в нужном направлении направить. А еще дочерей вырастить, да выучить, да удачно замуж выдать и о прочих своих людях позаботиться. Вот и крутится Варвара как белка в колесе. Но может, это и есть счастье? Когда родные рядом, когда все живы и здоровы, когда любишь ты и любят тебя? Варя ответа не знает, она просто делает, что должна. Она ведь не пророк, а просто графиня. Возможно даже — Счастливая.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248072-0

© Гончарова Г.Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Для кого-то любовь алая,
Для кого-то любовь белая,
Для кого-то она страстная,
Для кого-то она смелая.

Для кого-то любовь радуга,
Для кого-то она пустыня,
Для кого-то любовь каторга,
Для кого-то она святыня.

Для кого-то кусок хлеба,
Для кого-то поток света,
Для кого-то одни вопросы,
Для кого-то одни ответы.

Для кого-то она истина,
Для кого-то она разлука.
Кто полюбит и кто откликнется?
Кто протянет тебе руку?

Проходя через все испытания,
Пережив войну и потери,
Мыждемся своих любимых
И откроем для счастья двери.

ПРОЛОГ

ЛОНДОН, ДЕКАБРЬ 1790 ГОДА

— Русские добились своего!

Два собеседника опять сидели в той же комнате. А зачем что-то менять?

Уильям Питт-младший и Уильям же, но Петти-Фитцморрис, маркиз Лансдаун, граф Шелберн.

Кто-то думает, он отошел от политики?

Ха, политики от своего дела не отходят, если их не выносят вперед ногами. То ли яд какой содержится в этом деле, то ли еще что... власть! Что страшного во власти?

Ничего вроде бы. Но даже от наркотиков можно отказаться, а от власти — не получается.

Вроде как Шелберн и отошел в тень. Но...

Ах, это скромное слово — НО!

— Что мы можем сделать?

Граф Шелберн признавался себе честно: после того как откололись США, он не мог быть публичной фигурой. На него возложили вину за провал, тем более обидную, что он-то старался не допустить ухода колонии. Не виноват он! Ему уже все досталось такое, когда поздно что-то менять, и отвечать пришлось за предыдущих идиотов. Процессы в политике идут долго, просто их не видят, вот и получают неожиданный результат.

А что вы хотите, когда у власти такое ничтожество, как Георг? Один дурак может влегкую разрушить монолит, который веками собирали! И посадить пятно на репутацию даже самого лучшего министра. Для Шелберна публичная политика и официальные должности были закрыты. Навсегда. А вот Уилли Питт мог! Несмотря на слабое здоровье, у него хватало ума, решительности, а главное — он был до мозга костей патриотом Британии. И Шелберн тоже.

И оба они понимали, что вместе — смогут больше и лучше. Цель одна, характеры более-менее совпадают, так почему бы и не поработать вместе?!

Вот и работали.

— С Потемкиным ничего не получилось. — Питт вздохнул даже чуточку печально. — Баба же!

— Бабы — дуры, — со знанием дела отозвался Шелберн. Он-то как раз знал, о чем говорил: два раза женат был, детей наделал. — Неудивительно, что она не справилась. Надо было договориться с кем-то из лекарей...

— Пытались. Но это же надо было в поход ехать... не получилось, — поморщился Питт. — А теперь — Азовское море становится полностью русским озером, Черное море они пока еще будут делить с турками, но... это на пару десятков лет, не больше. Если дело пойдет так и дальше, турок они оттуда выгонят напрочь. Уже сейчас греки просят покровительства у русских, и Екатерина, насколько мне известно, дала согласие. Недалек тот час, когда и Средиземное море покорится русским.

— Если ничего не случится.

Уильям задумчиво кивнул.

— Да... у Екатерины с ее сыном давняя ненависть. Точнее, у сына к матери, он не может простить ей ни смерти отца, ни столь длительного царствования.

— Мы всегда можем помочь этому милейшему человеку, — пожал плечами Шелберн. — Уж где-где, а при русском дворе у нас свои люди есть¹.

— Почему бы и не помочь? — задумался Питт. — Но я не думаю, что он вернет нам Стамбул.

— Не вернет. Но будут ли русские воевать, если потихоньку, полегоньку... мы сможем их оттеснить. Русским не впервые отдавать то, за что они заплатили своей кровью, они всегда проигрывают в дипломатии².

— Вдаль они не смотрят. Хотя... справедливости ради — не все. Та же Екатерина весьма умна, но ее сын... он поддается нашему влиянию, — согласился Питт.

— Попробуем, — подвел итог Шелберн. — Если получится, мы разом отыграем очень много.

— И надо посмотреть... у них там появился какой-то юный гений. Придумал что-то страшное на поле боя. Думаю, нам он тоже пригодится.

— Переманим?

— Если получится.

— А если нет?

— Тогда женим на подходящей женщине. Почему нет? Будет занят семьей... вот как их знаменитый Топал-паша! Правда, с ним неудачно получилось, нет бы запить после развода, а он — в драку, — хохотнул Питт. Сам Уильям выпивал каждый день, да такими дозами, что кому другому хватило бы и белочек увидеть, и зайчиков.

Слабое здоровье?

Человек со слабым здоровьем в день по три бутылки алкоголя (минимум!) не выжрет. Его так и прозвали: «Человек — три бутылки».

¹ На любой вкус. Некоторые даже официально пенсию получали. А про лоббирование в те времена вообще — петь можно. Нашим казнокрадам такое и не снилось.

² Увы.

— И есть варианты?

— Они всегда есть. Надо пометить себе... Наполеон Бонапарт.

— Угу... и еще один бриллиант в корону Екатерины. У нее при дворе внезапно оказались дофин и дофина Франции.

Питт сморщился так, словно ему сообщили, что в Англии ввели сухой закон. Навечно.

— Их опознали. Это точно малыш Луи и его старшая сестра. Их признали и посол, и родственники, и знакомые... это точно они. Скомпрометировать не получится.

— Никак?

— Увы... я списывался с Талейраном. Епископ сообщил мне, что по этому поводу в Париже стон и вой. Они бы с удовольствием объявили детей самозванцами, но — никак! Там и де Валори, начальник охраны Людовика, и Ферзен, и де Бретейль приехал... все съезжаются к ее двору. И эта северная волчица довольна.

— Собирается отвоевывать престол для мальчишки?

— Пока она думает. Но сколько это будет продолжаться?

— Значит, нам надо действовать, — стукнул кулаком по столу Шелберн.

— Может, проще отравить мальчишку?

— И сделать из него мученика? Знамя? Нет-нет, проще сделать из него — Людовика Шестнадцатого. Или вообще Пятнадцатого, — хохотнул Шелберн. — Вряд ли при нем найдется новый Ришелье, а этот... сначала революция, потом войны, потом еще один бездарь — это окончательно добьет Францию. А мы... мы можем даже помочь Екатерине. В конце концов, Гиень, Бретань... да какого черта мы будем отдавать Франции наши земли?! Попользовались — и хватит.

— И еще процент за использование взять, — согласился Питт. — Да, пожалуй.

Мужчины сидели, кроили и перекраивали мир, распоряжались чужими судьбами по своему усмотрению и знать не знали про страшное изобретение австралийских аборигенов. А зачем им?

Их дело — эксплуатировать дикарей и получать с них прибыль, а не обычаи изучать. Кому они могут быть интересны?

Бумеранг?

Нет-нет, это не к ним, с ними так нельзя, это же ОНИ!

Увы, бумеранг был неразумным и мелодично посвистывал в полете. Запустили? Ну и не обессудьте, господа интриганы!

ГЛАВА 1

РОССИЯ, 1791 ГОД, ЗИМА

— Шарлотта!!! Ваше высочество, я счастлива!!!

Варя поморщилась. Она как раз была в Зимнем, благо по просьбе Шарлотты могла приходить хоть каждый день, и оставаться, и чуть ли не жить там.

Влетевшая в комнату дама больше всего подходила под определение из пяти букв. Такое тоже для дамы, но очень облегченного поведения.

Тут и вырез, из которого все богатства выпрыгивают, и боевой раскрас (это до полудня-то!), и высоко взбитые волосы, щедро напудренные, и сногшибательный аромат духов.

Хотя так-то симпатичная. Но под толстым слоем краски это благополучно теряется.

Шарлотта едва успела отскочить за диван. И, кажется, собралась вооружиться подсвечником.

— Моя дорогая! Вы уже забыли свою милую Жу-жу?

Шарлотта расправила плечи.

— Милая Жу-жу, извольте стоять на месте!

— Ах!

Дама почти упала в кресло, изображая обморок от человеческой неблагодарности. Кресло жалобно скрипнуло. Оно тоже было неблагодарным — такую корму принять, да с размаху! Тут и до перелома ножек недалеко!

— Шарлотта, дитя мое...

— Молчать!

Рык принцессе удался на славу. С Вари пример взяла. Жюли де Полиньяк послушно заткнулась.

Шарлотта аккуратно отошла от дивана на два шага, но рычать не перестала.

— По какому пр-раву вы, мадам, вр-рываетесь в мои покои? Кто ее вообще сюда пустил?!

— Сейчас узнаю, — подхватила Наташа.

Гвардейцы за дверью стояли и вины за собой не чувствовали.

— Кто р-разрешил?! — рыкнула Наташа.

— Она ж гувернантка ее высочества? — удивился гвардеец.

— Что приказано было? Пропускать?! — рычала Наташа.

То ли мамина учеба сказала, то ли папина генетика — гвардейцы аж подтянулись. Белая пушистая зверушка — она тоже выглядит несерьезно. Но, если это белый медвежонок — на лапшу он распустит любого, минут так за пять. И не запыхается.

Вот и Наташа — выглядела безобидно, а злилась сейчас вполне по-взрослому. И силу за собой чувствовала. Ее подругу обижать? Р-разор-рву!

— Нет, ваша светлость.

— Так какого черта? Обо всем доложу! — рявкнула еще громче Наташа. И дверью хлопнула. — Проходной двор, а не дворец! Хорошо еще, побрякушки из шкатулки не тащат! Засов надо поставить!

— Два, — согласилась Шарлотта. И перевела взгляд на Жюли, которую, вообще-то, терпеть не могла. И считала гадюкой в сиропе.

Ах, она вся такая хорошая, пушистая, все ее любят... ладно! Шарлотта еще и маму ревновала к этой пакости! Мама ей больше внимания уделяла, чем родной дочери! Это как?

Варвара улыбнулась девочке, и та расправила плечи. Довольно ей терпеть, она уже взрослая! И отлично постоит за себя!

— Еще раз, мадам? Какого черта?

— Боже, Шарлотта, разве можно так выражаться?!

Эта гадюка еще и комедию ломать продолжает? Шарлотта, недолго думая, кивнула Наташе. Та распахнула дверь.

— Ко мне! — Приказ вышел вполне себе королевским, даром что принцесса. Гвардейцы мигом влетели. — Выкинуть! И ко мне впредь не пускать!

— Шарлотта! Я же тебя на руках качала!

— Чего не сделаешь, чтобы выслужиться перед королевой. Вон!

Гвардейцы дожидаться не стали, пока дама свои телеса из кресла выдернет, подхватили Жюли под локотки и выставили за дверь. И сами улетучились. Только дверь хлопнула — и вой вдали стих.

Шарлотта опустилась на пол, где стояла. Наташа кинулась к ней, обняла покрепче, принялась гладить по голове.

— Лотта, все, она ушла, все закончилось! Лотта, все будет хорошо!!!

Варя обняла их обеих.

— Шарлотта, я тобой горжусь! Ты была великолепна! — Шарлотта прерывисто вздохнула.

— Ненавижу ее! **НЕНАВИЖУ!!!**

— Все, я ее больше не пущу, сама глаза выцарапаю! Обещаю!!!

— Ненавижу! Гадина! Вечно у нее яд с клыков капал! Ах, Лотта, тебе так идет это платье, ты опять посадила пятно! Ах, Лотта, ты в этом цвете выглядишь болезненной! Лотта, детям пора спать! Лотта, Лотта... кудахтала надо мной, а смотрела, как гадюка из кустов!!! Ей только деньги нужны были, и чтобы мама ее приблизила! Она ради этого из skóry вылезала!!! Придумывала что-то, к нам лезла, восторгалась, а сама ненавидела! И сейчас... удрала, стоило

только ветру подуть! Вот Мария нас любила, правда любила, а эта...

Наташа покрепче прижала к себе подругу.

— Мы тебя любим. И никогда не бросим, не переживай!

— Знаю. Даже если будем далеко друг от друга, ты приезжать будешь, я буду, я вас тоже люблю! Вы не ради денег, а эта... тварь продажная! Маме улыбалась, а под отца легла! И с дядей, и с кузеном... и всем глазками хлопала, и вся такая невинная! Стерва!!!

Наташа гладила несчастную принцессу по волосам и думала, что той тяжело пришлось в жизни. Наташе все же проще, она изначально знала, что родители ее любят. Папа, конечно, натворил глупостей, но у мужчин это бывает. Особенно когда они любят и ревнуют. Мама ей все объяснила.

А несчастная Лотта во всем этом жила...

Ох-х-х-х!

Варвара уже думала в другую сторону.

— К младшим ее не пустят?

— Нет, конечно. Там же и внуки императрицы!

— Но лучше ты сама с императрицей поговори? Лотта?

— Ты права. Чтобы эта гадина не напела ей в уши!

— Совсем ты русский язык выучила!

— Может, я тут и замуж выйду, — фыркнула Шарлотта, — а что? Вы рядом, бабушка Катрин замечательная, страна мне нравится, да и тронем я сыта по горло. А тут уютно... было, пока эта погань не приползла. Пошли! Разгоним мерзавку окончательно!

— А я к младшим, — подмигнула Варвара. — Справитесь? Я послежу, чтобы она туда не приползла.

Шарлотта поцеловала Варвару в щеку.

— Тетушка, спасибо.

И получила ответный поцелуй в кончик носа.

— Я в тебя верю, детка. Вперед!

Как было не победить с таким напутствием?

Успели девушки вовремя.

Жюли де Полиньяк уже всю припадала к мужу, жалуясь на неблагодарность детей. Императрица слушала, впрочем, не выказывая особого сочувствия. Тоже поняла, что это за сокровище?

— Государыня!

— А, Лотта? Подойди сюда, милая. Вот гувернантка твоя жалуется, мол, ты ее выгнала.

Шарлотта поджала губы.

— Если ваше императорское величество прикажет... для тех услуг, которые эта гувернантка оказывала всему двору, мой брат слишком мал, а я чересчур брезглива. Как бы она и ваш двор не заразила чем.

— Шарлотта! — ахнул Жюль де Полиньяк.

— И супруг ее тоже никем не пренебрегал, — жестко отрезала девочка. — Ваше императорское величество, умоляю, не заставляйте меня видиться с этими людьми! Они... они как та ржавчина, которая погубила кусок железа! Как самое худшее, что было дома!

Екатерина Вторая сочувственно кивнула

— Ничего, детка. Ты иди, а я обещаю — поговорю. Все будет хорошо.

— Благодарю вас, ваше императорское величество!

Шарлотта вышла, подчеркнуто прямо держа спину. Уже за дверью Наташа подхватила ее под локоть, утащила в нишу, в которой Лотта и сползла по стене.

— Господи, как я ее ненавижу!!!

Наташа молча прижимала подругу к себе, пока Шарлотта не вытерла слезинки и не выпрямилась.

— Пойдем. Хочу побыть с детьми. С Карлом... после этой... сил нет! Словно в нечистотах искупалась!

— Давай я ванну прикажу?

— Успеется. Пойдем, хочу побыть со всеми.

— Пойдем, сестренка. И не бойся, мы всегда будем рядом. Не бросим, не предадим. Суворовы в спину не бьют!

— Спасибо, Натали.

* * *

На то, чтобы побыть полчаса с Луи, Шарлотты хватило. А потом Варвара все же увела ее обратно, в покои дофины, и там Лотта снова разревелась.

Тяжело ей этот визит дался, очень тяжело.

Но она смогла себя отстоять. И де Полиньяков выставили прочь, с запретом. Больше их в Зимний не пропустят, а то и вообще могут из России выгнать, если Шарлотта попросит. В двадцать четыре часа. И правильно, пусть едут в Европу! Там свои болезни срамные разносят!

— Бедная моя детка!

Варя просто обняла Шарлотту с одной стороны, а с другой к несчастной принцессе прижалась Наташа. Так они и сидели. Потом Шарлотта чуточку успокоилась.

— Не хочу ее даже видеть. Она... она самое мерзкое, что там было, понимаешь?

Варя понимала.

Что уж... после первого курса она домой приехала, в деревню, к родителям не хотелось, пошла к бабушке с дедом, и своего отца по дороге увидела. Ужравшегося, грязного, вонючего, обоссанного, уж простите за «милые» подробности. И так противно стало, словно ей на голову ведро навоза вылили. Иногда прошлое догоняет тебя и бьет с размаху. Даже если ты ни в чем не виновата.

Что могла изменить Варя?

Что могла изменить Шарлотта?